

О Ц Е Р К В И.

(По поводу современныхъ религиозныхъ запросовъ)¹⁾.

Вниманіе просвѣщеннаго собранія мы намѣреваемся остановить на томъ вопросѣ, который имѣетъ не только теоретическое, научное, но и глубоко-жизненное, практическое значеніе. Вопросомъ этимъ въ настоящее время особенно усердно занимаются; онъ, можно сказать, привлекаетъ и воднуетъ все наше образованное общество; отъ такого или иного рѣшенія даннаго вопроса, какъ вопроса въ христіанскомъ міровоззрѣніи кореннаго, зависитъ отвѣтъ и на другіе богословскіе вопросы. Это есть вопросъ о Церкви, который въ нѣкоторыхъ своихъ сторонахъ уже освѣщался съ каѳедры религиозно-просвѣтительнаго Общества²⁾). Въ виду необыкновенной сложности и широты даннаго вопроса, остановимся въ разъясненіи его только на самомъ главномъ и существенномъ, имѣя преимущественно въ виду современныя нужды и запросы.

I.

Мы обыкновенно говоримъ: „Церковь есть наша мать“, „Церковь наша руководительница“, „Церковь повелѣваетъ“, „Церковь запрепаетъ“ и т. п. Но что такое Церковь?

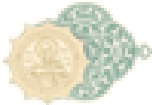
¹⁾ Чтеніе, предложенное въ публичномъ собраніи Кіевскаго религиозно-просвѣтительнаго Общества, 19 декабря 1903 г.

²⁾ Разумѣемъ чтенія профессоровъ М. Ф. Ястребова: «Что такое Церковь», Кіевъ, 1902 г., и А. И. Булакова: «Значеніе Церкви Христовой въ жизни человѣчества» и «Церковь и ея отношеніе къ прогрессу», Кіевъ, 1903 г.

По простому филологическому производству церкви (греч. ἐκκλησία) есть „собрание“; данное слово соответствует еврейскому *kahal*. Но не всякое „собрание“ есть церковь. Собрание первых людей государства, сановниковъ, консуловъ—это не церковь (ἐκκλησία), а такъ называемый синклитъ (σύγκλητος). У афинянъ различались двоякого рода собранія, — такъ называемыя ἐκκλησίαи и ἀγοραί. Первые означали собранія узаконенныя, когда граждане, люди имѣвшие право на участіе въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ, созывались властью чрезъ герольда, законнымъ порядкомъ; вторыя же были собранія смѣшанныя, безпорядочныя, — когда сходилась просто толпа всякаго рода людей. Эти филологическія справки приводятъ къ слѣдующему заключенію. Церковь, какъ „собрание“, включаетъ въ себя два момента: во-первыхъ, моментъ стройнаго, упорядоченнаго *единства*, а во-вторыхъ, моментъ *званія*, или *призванія* (ἐκκλησία, κλήσις, ἐκκλητος, ἐκκαλεῖν). Члены Церкви Христовой—это члены одного града, управляются одними законами, имѣютъ одну вѣру; Церковь—не духовная аристократія, но и не смѣшанная толпа: въ ней находятся званые, или призванные благодатью и силою Божіею. Нѣкоторые включаютъ въ Церковь и ангеловъ¹⁾, но это расширеніе объема Церкви не имѣетъ для себя основанія. По ученію Апостола, ангелы взираютъ на Церковь и поучаются въ ней премудрости Божіей (Ефес. 3, 10); ангелы не имѣютъ нужды въ спасеніи, а Церковь есть общество спасаемыхъ.

Но какъ государство не есть простое собраніе гражданъ, такъ тѣмъ болѣе Церковь не можетъ быть считаема только обществомъ истинно или право вѣрующихъ во Христа. Такое

¹⁾ Сочиненія А. С. Хомякова, Москва, 1900, т. II, стр. 3. Е. Аквилонозъ, Церковь. Научныя опредѣленія Церкви и Апостольское ученіе о ней, какъ о тѣлѣ Христовомъ, С.-Петербургъ, 1894, стр. 87. 88.

опредѣленіе Церкви было бы совершенно неправильнымъ. Конечно, современный эмпиризмъ знаетъ только вѣрующаго Івана, или сомнѣвающагося Петра, а Церкви не знаетъ; но при эмпирической точкѣ зрѣнія въ христіанствѣ ничего нельзя понять; тутъ необходимъ высшій христіанскій идеализмъ. Съ этой точки зрѣнія, Церковь не есть ни простой коллективъ, ни чистый абстрактъ. Церковь есть благодатный институтъ, или *благодатное учрежденіе*, воспитывающее насъ, — говоримъ благодатное, а не юридическое, гдѣ все основывается на внѣшности, понужденіи. Церковь имѣетъ божественную организацію, въ ней живетъ Духъ Божій, дѣйствуютъ благодатныя таинства. Церковь есть истинно-живое, историческое воплощеніе христіанства; она въ своемъ родѣ осуществленное на землѣ царствіе Божіе. „Церковь представляетъ собою не только общество вѣрующихъ, но одновременно и общество вѣрующихъ и богоустановленное *учрежденіе* для нашего спасенія“¹⁾. Нужно различать субъективную и объективную стороны въ понятіи Церкви. „Она есть не только возрожденное св. Духомъ общество вѣрующихъ, но также и исполненная благодатныхъ таинствъ *скинія* Божія на землѣ, посредствомъ которой Самъ Господь обитаетъ въ мірѣ и раздаетъ благодатные дары человѣкамъ“²⁾. Отсюда понятно, какимъ образомъ Церковь есть наша мать, наша руководительница: она святое божественное учрежденіе, рождающее и воспитывающее насъ.

По ученію св. Апостола Павла, Церковь есть тѣло Христово (Ефес. 1, 23; 2, 16; 4, 4. 12. 16; 5, 23. 30; Кол. 1, 18. 24; 2, 19; и др.), богочеловѣческой организмъ. Въ святѣйшемъ таинствѣ Евхаристіи мы вкушаемъ истинное тѣло и истинную кровь нашего Господа Спасителя, Онъ *преподаетъ* намъ Свое тѣло, а въ Церкви Онъ *содѣлалъ*

¹⁾ Е. Альбионовъ, Церковь, стр. 75.

²⁾ Ibid. стр. 76.

нась своимъ тѣломъ. Христось Спаситель находится въ такомъ же тѣснѣйшемъ, неразрывномъ единеніи съ основанною Имъ Церковью, въ какомъ глава стоитъ къ тѣлу. Опъ именно Глава Церкви,—не просто Начальникъ, Владыка, но дѣйствительная Глава; Церковь близка, родственна Христу; въ Немъ и чрезъ Него она получаетъ благодатную жизнь.

Апостольское наименованіе Церкви тѣломъ Христовымъ содержитъ въ себѣ глубочайшій, можно сказать, неисчерпаемый смыслъ. Мы укажемъ только нѣкоторыя, заключающіяся въ немъ мысли, которыя имѣютъ необыкновенно важное теоретическое и практическое значеніе.

Прежде всего органическое тѣло живетъ, растетъ, увеличивается: такъ и Церковь—тѣло Христово создается (Ефес. 4, 12), творитъ возрастаніе (Ефес. 4, 16),—возрастаетъ подобно обыкновенному органическому тѣлу, въ которомъ все первоначально дано въ идеѣ, въ зародышѣ и оно не получаетъ съ теченіемъ времени какихъ-нибудь новыхъ органовъ, а только усвоетъ нужный ему матеріалъ, перерабатываетъ его и чрезъ это растетъ и крѣпнетъ. Обыкновенное органическое тѣло не есть, далѣе, безразличное единство, а единство во множествѣ, или единство въ разнообразіи; не всѣ члены тѣла имѣютъ одинаковое значеніе, но всѣ равно необходимы, ибо служатъ жизни цѣлаго; въ тѣлѣ нѣтъ распри, а всякій членъ поддерживаетъ жизнь организма, его благосостояніе. Такъ, по ученію Апостола, и въ Церкви Христовой. Она есть единство въ разнообразіи, ибо, будучи *многими*, мы составляемъ *едино* тѣло во Христѣ (Римл. 12, 5); если бы всѣ были одинъ членъ, то гдѣ было бы тѣло; но теперь членовъ много, а тѣло одно“ (1 Коринѣ. 12, 19. 20). Въ Церкви, далѣе, никто не умаленъ,—не всѣ члены здѣсь равны, но всѣ одинаково необходимы, ибо тѣло Церкви возрастаетъ, „при дѣйстви въ свою мѣру каждаго члена“ (Ефес. 4, 16). Въ Церкви, какъ стройномъ, органическомъ тѣлѣ Христовомъ (Ефес. 4. 16), розни и распри нѣтъ, такъ такъ

всѣ мы примирились въ одномъ тѣлѣ (Ефес. 2, 16), всѣ на поены единымъ Духомъ (1 Коринѣ. 12, 13); „не можетъ глазъ сказать рукѣ: ты мнѣ ненадобна, или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны“ (1 Коринѣ. 12, 21). Въ Церкви какъ и въ обыкновенномъ органическомъ тѣлѣ, полное содружество членовъ: „страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены“ (1 Коринѣ. 12, 26). Если бы, замѣтимъ это Апостольское ученіе о Церкви вошло въ нашу плоть и нашу кровь, жизнь наша тогда получила бы несомнѣнно иное направленіе. „Отвергнувъ ложь, говорите—научаетъ св. Апостоль—истину каждый ближнему своему, потому что мы члены другъ другу“ (Ефес. 4, 25), а члены тѣла друг друга обманывать не могутъ (св. І. Златоустъ).

Церковь, какъ тѣло Христово, отличается безусловнымъ единствомъ. Это единство „не мнимое, не япосказательное а истинное и существенное какъ единство многочисленныхъ членовъ въ тѣлѣ живомъ“¹⁾. Это—единство не внѣшнее, механическое, а единство внутреннее, органическое,—единство любви. Оно со всею ясностью выражается во единомъ нашемъ Евхаристическомъ общеніи. Неизмѣнны и неизблѣмъ объективныя основы этого единства: *единъ Господь*, нашъ Спаситель и Искупитель; *едина вѣра*, всѣхъ оправдывающая ибо не оправдался одинъ вѣрою, а другой—дѣлами; *едино крещеніе*, всѣхъ насъ возродившее въ новую жизнь; *единъ Богъ и Отецъ всѣхъ*, который *надъ всѣми* владычествуетъ и *чрезъ всѣхъ* дѣйствуетъ и *во всѣхъ насъ* обитаетъ; единъ надежда или упованіе христіанское, которымъ всѣ мы одушевляемся (Ефес. 4, 4—6). Если Церковь есть единое тѣло Христово, то Церковь земная находится въ живомъ тѣснѣйшемъ неразрывномъ общеніи съ Церковью небесною, и отсю

¹⁾ Сочиненія А. С. Хомякова, т. II, стр. 3.

да вполне понятна необходимость молитвъ за умершихъ и молитвъ о заступленіи святыхъ. А что касается частныхъ земныхъ Церквей, то онѣ суть только „великіе члены единого тѣла вселенской Церкви“. „Церковь—говоритъ св. Кипріанъ—едина, хотя, съ возрастающимъ плодотвореніемъ, расширяясь, дробится на множество. И у солнца много лучей, но свѣтъ одинъ, много вѣтвей на деревѣ, но стволъ одинъ. крѣпко держалційся на корнѣ; много ручьевъ истекаетъ изъ одного источника, но хотя разливъ, происходящій отъ обилія водъ, и представляетъ множественность, однако въ самомъ истокѣ сохраняется единство. Отдѣли солнечный лучъ отъ тѣла—единство не терпитъ раздѣленія свѣта; отломи вѣтвь отъ дерева—отломленная она не можетъ плодоносить; отрѣжь ручей отъ источника—отрѣзанный онъ засохнетъ. Такъ и Церковь, озаренная свѣтомъ Господнимъ, по всему міру распространяетъ свои лучи, но свѣтъ, разливающійся повсюду, одинъ, а единство тѣла остается нераздѣльнымъ. По всей землѣ она распространяетъ обилующія плодами вѣтви свои. обильные потоки ея текутъ на далекія пространства; при всемъ томъ Глава остается одна, одно начало и одна мать, богатая преспѣваніемъ плодотворенія“¹⁾).

Церковь, повторимъ, есть единство во множествѣ, или единство въ разнообразіи; въ ней свобода при необходимости, т. е. въ ней согласованы тѣ два принципа, которые съ такимъ трудомъ обыкновенно примиряются. „Каждому изъ насъ—говоритъ Апостолъ—дана благодать по мѣрѣ дара Христова“ (Ефес. 4, 7). Есть дарованія общехристіанскія, получаемыя всѣми, и есть дарованія особенныя, которыми каждый изъ насъ можетъ служить дѣлу Церкви. Единство послѣдней вовсе не нарушается тѣмъ, что въ ней существуютъ особенныя іерархическія служенія, а, напротивъ, эти служе-

¹⁾ О единствѣ Церкви.

нія установлены Самимъ Господомъ для блага Церкви,—„къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова“ (Ефес. 4, 11. 12),—чтобы не было несовершенныхъ, младенцевъ въ вѣрѣ, а всѣ болѣе и болѣе возрастали духовно (Ефес. 4, 13 и дал.). Какъ несправедливо отождествлять Церковь съ одною только іерархією, такъ еще болѣе превратно отвергать церковную іерархію. Существованіе законной іерархіи—это болѣе замѣтный, такъ сказать, осязательный признакъ бытія Церкви. Какъ въ обыкновенномъ органическомъ тѣлѣ есть свои связи, которыми оно скрѣпляется, такъ подобныя связи существуютъ и въ тѣлѣ Церкви (Колос. 2, 19), и имъ соотвѣтствуютъ іерархическія служенія.

Какъ тѣло Христово, Церковь есть полнота, т. е. совершенство, безусловное совершенство; въ ней нѣтъ ничего недостающаго, что можно бы, или нужно бы присоединить. Она „полнота“ по существу, а въ жизни вѣрующихъ эта полнота, чрезъ дѣйствіе Главы Христа, только постепенно осуществляется; изъ полноты Церкви мы всѣ приедемъ, и задача жизни вѣрующихъ состоятъ въ томъ, чтобы достигнуть мѣры возраста полноты Христовой, т. е. совершеннаго усвоенія Христовыхъ дарованій. Развивается ли Церковь, если она есть „полнота“? Не развивается, конечно, а только самораскрывается, ибо „развитіе ея не есть что-либо новое, не данное Христомъ, а есть осуществленіе того идеала, который данъ ей во Христѣ. Общая жизнедѣятельность тѣла Церкви, совершаемая Иисусомъ Христомъ, есть органическое воплощеніе даннаго идеала и дарованной благодати въ дѣйствительныхъ ея членахъ“¹⁾.

Какъ полнота Христова, Церковь свята,—свята, конечно опять по существу, а не по фактическому состоянію своихъ

¹⁾ Ф. Думскій, Церковь и Христосъ, въ журналѣ «Странникъ», 1900, кн. 5, стран. 50. 51.

членовъ, которые нуждаются въ освященіи. Какъ полнота Христова, Церкви непогрѣшима, владѣть полною, а не частичною истиною, а потому она не разрушаетъ того своего ученія, которое признавала раньше. „Чѣмъ святилась бы земля, если бы Церковь утратила свою святость? И гдѣ бы была истина, если бы ея нынѣшній приговоръ былъ противъ вчерашнему? Въ Церкви, т. е. въ ея членахъ, зарождаются ложныя ученія, но тогда зараженные члены отпадаютъ, составляя ересь или расколъ и не оскверняя уже собою святости церковной“ ¹⁾. Измѣненіе обряда, церковнаго устройства не есть измѣненіе Церкви, ибо духъ Церкви, который есть Духъ Божій, неизмѣненъ. Церковь не можетъ быть „измѣненною, помраченною или отпадшею, ибо тогда она липилась бы Духа истины“ ²⁾.

Апостольское ученіе о Церкви, какъ полнотѣ Христовой, можно понимать и въ томъ смыслѣ, что Церковь восполняетъ Христа (св. Іоаннъ Златоустъ). Она восполняетъ, конечно, не Лицо Богочеловѣка, Который Самъ въ Себѣ полонъ и всесовершенъ, а восполняетъ Его тѣмъ, что дѣлу Его даетъ приходиться къ совершенію, всѣхъ привлекая ко Христу, вводя въ благодатное общеніе съ Нимъ ³⁾. Церковь—орудіе дѣйствія Христа въ мірѣ; безъ Церкви Христосъ, Мессія, явившееся во плоти Слово, не былъ бы тѣмъ, чѣмъ Онъ есть, т. е. нашимъ Искупителемъ, Примирителемъ, ибо нѣтъ главы безъ тѣла и Церковь неотдѣлима отъ Христа.

По ученію Апостола, Церковь такъ величественна, что сами ангелы взираютъ на нее и поучаются въ ней премудрости Божіей (Ефес. 3, 10). Это потому, что Церковь есть живое, фактическое свидѣтельство премудрости божественной;

¹⁾ А. С. Хомяковъ, Сочиненія, т. II, стр. 4. 5.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ср. *преосвящ. Геофана*, Толкованіе посланія св. Апостола Павла къ Ефесеямъ. Москва, 1882, стр. 112. 113.

въ ней, какъ бы въ нѣкоемъ фокусѣ, отражается весь премудрый планъ Божія домостроительства, явленнаго въ различныхъ формахъ, избиравшаго различные пути, которые вели къ одной цѣли—спасенію человѣка. Задачи Церкви высочайшія: будучи сама осуществленнымъ царствіемъ Божіимъ на землѣ, потому что въ ней—единеніе въ одномъ тѣлѣ, свобода, святость, любовь и истина, она есть орудіе, или посредница въ созиданіи Царства Божія,—царства Божія „внутри насъ“ (этическое пониманіе),—царства правды, мира, любви и радости о Духѣ Святомъ, царства Божія *внѣ насъ* (космическое пониманіе), гдѣ небесное и земное соединено и воля Божія служитъ закономъ для всѣхъ разумныхъ тварей, и, наконецъ, царства Божія въ будущемъ *вѣкѣ*,—царства славы (пониманіе эсхатологическое). Все это Церковь производитъ, приводя всѣхъ ко Христу, давая всѣмъ возможность пользоваться плодами искупленія, совершеннаго Христомъ, обновляя и возрождая все человѣчество.

На другихъ свойствахъ Церкви можно здѣсь не останавливаться; онѣ отчасти будутъ видны изъ послѣдующаго.

II.

Послѣ сказаннаго могутъ спросить: эта единая Церковь Христова, богатое учрежденіе, тѣло Христово, полнота Христова, Церковь святая, славная, не имущая *скверны или порока, или ничто отъ таковыхъ* (Ефес. 5, 27), Церковь непогрѣшимая, орудіе въ созиданіи Царства Божія,—существуетъ ли эта Церковь въ дѣйствительности? Несомнѣнно, что эта Церковь существуетъ, какъ существуетъ ея единый Глава—Христосъ, какъ не оставилъ насъ и не оставитъ до скончанія вѣка Своего благодатью Духъ Святой. Глава не можетъ быть безъ тѣла; неложно слово Господа объ обитаніи Духа Божія въ Его Церкви, о недоульнїи Церкви никакими вражескими силами (Матт. 16, 18).

Конечно, эта Церковь постигается очами вѣры, всѣми силами нашей души, а не однимъ холоднымъ разсудкомъ; надъ нею нельзя производить обыкновенныхъ научныхъ экспериментовъ. Но если въ настоящее время такъ часто ставится вопросъ, гдѣ же эта Церковь Христова, то на этотъ вопросъ нельзя иначе отвѣтить, какъ слѣдуя преимущественно историческому пути.

Тутъ вспоминаются прекрасныя слова нашего замѣчательнаго свѣтскаго богослова А. С. Хомякова. „Перенесемся, говоритъ онъ, въ послѣдніе годы восьмого или въ начало девятого вѣка и представимъ себѣ странника, пришедшаго съ Востока въ одинъ изъ городовъ Италіи, или Франціи. Проникнутый сознаниемъ этого древняго единства, вполне увѣренный, что онъ находится въ средѣ братьевъ, входитъ онъ во храмъ, чтобы освятить послѣдній день седмицы. Сосредоточенный въ благоговѣйныхъ помыслахъ и полный любви, онъ слѣдитъ за богослужениемъ и вслушивается въ дивныя молитвы, съ ранняго дѣтства радовавшія его сердце. До него доходятъ слова: „возлюбимъ другъ друга, да единомыслиемъ исповѣмы Отца и Сына и Св. Духа“. Онъ прислушивается. Вотъ возглашается въ Церкви символъ вѣры христіанской и католической, тотъ символъ, которому всякій христіанинъ обязанъ служить всею жизнью и за который, при случаѣ, обязанъ жертвовать жизнью. Онъ прислушивается. Да это символъ испорченный, какой то новый, неизвѣстный символъ! Наяву ли онъ это слышитъ, и не нашло ли на него тяжелое сновидѣніе? Онъ не довѣряетъ слуху, начинаетъ сомнѣваться въ своихъ чувствахъ. Онъ освѣдомляется, просить поясненій. Ему приходитъ на умъ: не забрелъ ли онъ въ сборище раскольниковъ, отвергнутыхъ мѣстною Церковью... Увы нѣтъ! Онъ слышалъ голосъ самой мѣстной Церкви. Цѣлый патріархатъ, и самый обширный,—цѣлый міръ отпалъ отъ единства. . Сокрушенный странникъ сѣтуетъ; его утѣшаютъ.—„Мы, вѣдь, прибавили самую малость“, гово-

рятъ ему, какъ и теперь твердятъ намъ латиняне.—Если малость, то къ чему было прибавлять?—„Да это вопросъ чисто отвлеченнаго свойства“. —Почему же знаете вы, что вы его поняли?— „Да это наше мѣстное преданіе“.—Какъ же могло оно найти мѣсто въ символѣ вселенскомъ, вопреки положительному опредѣленію вселенскаго собора, воспретившаго всякое измѣненіе въ символѣ?—„Да это преданіе общецерковное, котораго смыслъ мы выразили, руководствуясь мѣстнымъ преданіемъ“.—Однако, такого преданія мы не знаемъ; да и во всякомъ случаѣ, какимъ образомъ мѣстное мнѣніе могло найти мѣсто въ символѣ вселенскомъ? Не всей ли Церкви, въ ея совокупности, дано разумѣніе божественныхъ истинъ?“ 1).

Такъ, Западъ произвольно отпалъ отъ вселенскаго церковнаго единства, нарушилъ вселенское единомысліе, отступилъ отъ общаго церковнаго ученія. Элементы истины въ католичествѣ, конечно, есть, существуетъ и благодать таинствъ, но полною истинною оно не владѣетъ. Если католичество можно назвать Церковью, то во всякомъ случаѣ не въ раскрытомъ нами Апостольскомъ значеніи этого слова, гдѣ Церковь есть *столъ и утвержденіе истинъ* (1 Тим. 3, 15). Никогда вселенская Церковь не знала главенства папы, папской непогрѣшимости, индульгенцій, чистища и т. п. Церковь, какъ мы сказали, есть единство во множествѣ, или единство въ разнообразіи, свободѣ. А между тѣмъ латинскій Западъ думаетъ о такомъ единствѣ Церкви при которомъ не остается слѣдовъ свободы чловѣка. Въ католицизмѣ церковное оміршилось, слилось съ государственнымъ; Церковь стала чисто правовымъ или юридическимъ учрежденіемъ. Все здѣсь основывается на внѣшней власти внѣшнемъ авторитетѣ, которому вѣрующіе чисто пассиви

1) Сочиненія, т. II, стр. 48. 49.

должны подчиняться. Исполняются ли здѣсь Апостольскія слова, что Церковь создается „при дѣйстви въ мѣру каждаго члена“? „Активная половина Церкви дѣйствуетъ, производитъ давленіе на другую, а эта воспринимаетъ, отражаетъ полученное извнѣ. Давленіе, идущее отъ активной части, отъ авторитета, есть, такъ сказать, централизирующая, объединяющая сила, а подчиненіе этой силѣ со стороны другой пассивной части... есть условіе единства“ (слова Кирѣевского о католичествѣ). Въ этихъ словахъ нѣтъ вовсе преувеличенія, кто вникнетъ въ католицизмъ, какъ цѣлую стройную систему. Церковная организація здѣсь получила, безъ сомнѣнія, ложное направленіе: на мѣсто начала соборности здѣсь выступилъ папскій монархизмъ; живые члены Церкви обратились въ простыхъ подданныхъ; механизмъ и юридизмъ, или номизмъ оттиснулъ собою живое органическое церковное начало. Одинъ изъ наблюдателей надъ обнаруженіями католичества говоритъ: „Католичество не разрѣшаетъ насѣдающихъ на душу сомнѣній въ области вѣры и не разъясняетъ жизненныхъ проблемъ съ точки зрѣнія евангеліа; оно только требуетъ послушанія съ угрозою за неповиновеніе, и леденитъ душу, убивая свободу, порабощая умъ, волю и чувство подъ власть авторитета, давящаго своими запретами“¹⁾.

Нельзя сказать, чтобы и нашъ извѣстный философъ В. С. Соловьевъ, при всей его симпатіи къ Западу, совершенно скрывалъ недостатки католичества. Онъ ясно различаетъ такъ называемый „папизмъ“ отъ „папства“. „Папизмъ“—это мірская политика, превращающая Церковь въ государство, извращающая церковную жизнь, а „папство“—это только централизованная духовная власть, которая „не можетъ быть источникомъ или дѣйствующею причиною догма-

¹⁾ Церковный Вѣстникъ. 1903, № 46, стр. 1453. 1454.

тической истины“, которой вовсе не подвластна Церковь и ее божественной сторонѣ, а которая имѣетъ значеніе только для практическаго дѣйствія Церкви на міръ, для объединенія и солидарности ее силъ, для строгой церковной дисциплины ¹⁾. Ошибочность доводовъ Соловьева о необходимости папства ясно открывается изъ того, что самъ онъ, волею-неволею, долженъ былъ превращать Церковь въ государство,—считать оружіе церкви вѣшнымъ, „боевымъ“, дѣятельность церкви признавать „христіанскою политикою“ ²⁾. Онъ впалъ въ явную крайность, когда обвиняетъ Востокъ въ косности, неподвижности, въ равнодушіи къ практическимъ задачамъ Церкви въ мірѣ“ ³⁾.

Что протестантство не есть Церковь, а только христіанское исповѣданіе, это, думаемъ, не требуетъ и доказательствъ ⁴⁾. Тамъ, гдѣ нѣтъ богоучрежденной іерархіи, не существуетъ и церкви; іерархія, какъ мы раньше сказали, есть видимый, наиболѣе замѣтный признакъ бытія церковнаго; Церковь безъ іерархіи такъ же не мыслима, какъ органическое тѣло безъ скрѣпляющихъ его связей. Протестантство въ своемъ ученіи порвало всякую связь съ единымъ вселенскимъ преданіемъ; вопреки папскому монархизму здѣсь господствуетъ полный индивидуализмъ, или атомизмъ. Протестантство—это своего рода анархизмъ въ области вѣры, ибо здѣсь каждое лицо имѣетъ право такъ, или иначе вѣровать, и отсюда протестантство распалось на столь безчисленное множество разныхъ религіозныхъ фракцій. Въ

¹⁾ Собраніе сочиненій, т. IV, С.-Петербургъ, 1901, стр. 70 и дал.

²⁾ Ibid. стр. 78 и др.

³⁾ Ibid. 45. 50 и др.

⁴⁾ И г. Соловьевъ о протестантствѣ пишетъ: «протестанты.. въ своемъ настоящемъ положеніи находятся *вне* Церкви (Сочиненія, т. IV, стр. 105).

протестантствѣ вѣрующій—это песчинка, брошенная въ ту, или иную грудку песку и ничего отъ нея, понятно, не заимствующая (А. С. Хомяковъ).

Недавно посѣтилъ Россію епископъ Фондакакскій Ч. Ч. Графтонъ, въ сопровожденіи его діакона Фея и г. Биркбека. Въ письмѣ на имя Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, митрополита С.-Петербургскаго, епископъ Графтонъ прямо заявляетъ, что представители такъ называемой Американской епископальной церкви направляютъ свои взоры на Востокъ „съ очами дѣтей къ ихъ матери“. Вотъ безпристрастный, основанный на исторіи, взглядъ Запада на Восточную и, въ частности, нашу русскую Церковь. Она именно сохранила древнюю чистоту, древнее вселенское ученіе; она подлинно—наша мать. Епископъ Графтонъ рѣшительно отказывается отъ протестантства, когда говоритъ о Церкви видимой и невидимой, о трехъ степеняхъ іерархіи, принимаетъ весь составъ Библии, признаетъ всѣ таинства. Не менѣе рѣшительно онъ отвергаетъ заблужденія католичества. „Мы осуждаемъ—пишетъ онъ въ названномъ письмѣ—слѣдующія заблужденія римской церкви: мы отвергаемъ верховную власть папы, которой усвоится высшій авторитетъ отдѣльно отъ іерархіи и которая безраздѣльно обладаетъ властію законодательною, судебною и административною, какъ глава церкви, викарій Христа, средоточіе единства, источникъ всякой юрисдикціи. Мы отвергаемъ прибавленія въ символъ, сдѣланныя папою Піемъ IV, и позднѣйшіе догматы о панской непогрѣшимости и непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи. Мы согласно отрицаемъ римское ученіе о чистилищѣ, объ удовлетвореніи тамъ правдѣ Божіей, о сокровищницѣ сверхдолжныхъ заслугъ святыхъ, раздаваемыхъ римскимъ первосвященникомъ, и объ индульгенціяхъ... Мы... отвергаемъ всѣ рационалистическія мудрованія латинства о благодати Божіей и о таинствахъ, особенно дерзкія умствованія о святѣйшемъ таинствѣ тѣла и крови Господней. И согласно утверждаемъ, что все

это есть плодъ того же самаго плотскаго мудрованія и тѣхъ же самихъ расчетовъ на естественный разумъ, которые приводятъ къ тому, что въ Римѣ прибавляютъ догматы, а въ Женевѣ убавляютъ“¹⁾. Возможна ли болѣе безпристрастная критика латинства и протестантства? Нуженъ ли другой болѣе безпристрастный голосъ, что подлинно „свѣтъ съ Востока“, что Западъ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, живо чувствуетъ „восточную правду“ и тяготѣетъ къ намъ, какъ истинной Церкви. Если Церковь есть единство во множествѣ, или разнообразіи, то эту истинную церковную организацію воплощаетъ именно православіе, всегда сохраняющее въ себѣ начало соборности. „По восточному воззрѣнію власть, созидающая жизнь Церкви и ея нормы, принадлежитъ всей Церкви, всему церковному тѣлу, есть выраженіе внутренней жизни самого общества, полноты живущаго въ ней Духа... Іерархическая власть, іерархія поставлена Самимъ Христомъ визать и рѣшить, но она въ то же время есть плоть отъ плоти и кость отъ костей церковнаго тѣла,—есть плодъ того-же Духа, живущаго во всемъ возглавленномъ Христомъ тѣлѣ Церкви“²⁾. Православіе есть жизненное гармоническое соединеніе свободы при подчиненіи; каждый здѣсь долженъ дѣйствовать, по мѣрѣ дарованія Христа, служа цѣлому тѣлу. Богу благодареніе, православная Церковь всѣмъ намъ дала въ руки слово Божіе; никогда она не издавала папскихъ декретовъ противъ принятія новаго варианта священнаго библейскаго текста; съ теченіемъ времени она вводитъ нужныя измѣненія и въ церковно-богослужебныя книги, но дѣлаетъ это съ мудрою постепенностью и осторожностью, чтобы не соблазнить „младенцевъ въ вѣрѣ“. Православію чужды вообще бездушный формализмъ,

¹⁾ Церковный Вѣстникъ, 1903, № 43, стр. 1349.

²⁾ *Іером. Михаилъ*, О задачахъ церковнаго права, въ Христ.

все уложивший въ твердыя рамки, опредѣлившій чуть ли не каждый шагъ жизни вѣрующаго¹⁾).

Правду и истину православія живо сознаютъ и старокатолики, которые, особенно въ послѣднее время, дѣятельно ищутъ общенія съ нашею Церковью. И православная Церковь радостно отверзетъ имъ свои двери, если убѣдится въ ихъ догматической и канонической правотѣ и въ ихъ искренности. Въ такомъ дѣлѣ, какъ старокатолическій вопросъ, меньше всего нужно формализма, чуждаго вообще православію, и больше всего любви Христовой. Но нельзя, съ другой стороны, жертвовать и истиною Христовою. Наши богословы во взглядѣ на старокатоликовъ рѣзко раздѣлились на два противоположные лагеря: одни настаиваютъ на ихъ *присоединеніи*, приобщеніи къ Церкви вселенской, другіе—на ихъ *соединеніи*, или, точнѣе, фактическомъ только признаніи ихъ бытія во вселенской Церкви, какъ вѣрующихъ уже православно, отказавшихся уже отъ заблужденій латинства. Но если католичество, какъ мы сказали раньше, не есть Церковь въ Апостольскомъ смыслѣ, если Западъ отпалъ отъ вселенскаго единства; то и тѣхъ, которые прежде въ немъ находились, хотя теперь отрелись отъ его заблужденій, нужно, думаемъ, приобщить жизни Церкви, или присоединить. Недостаточно быть внутренне убѣжденнымъ въ истинности православной Церкви; если Церковь есть благодатное учрежденіе, предполагаетъ необходимо извѣстную организацію, есть живой фактической союзъ, выражающійся въ Евхаристическомъ общеніи, то это внутреннее убѣжденіе должно быть засвидѣтельствовано и внѣшнимъ образомъ. Здѣсь меньше всего должна имѣть мѣсто человѣческая горделивость и самопревозношеніе...

¹⁾ Къ вопросу о сущности православія см. также статью *пресвящ. Антонія*, епископа Вольнскаго: «Чѣмъ отличается православная вѣра отъ западныхъ исповѣданій» (Миссіон. Обзорѣніе, 1901, іюль—августъ, стр. 3—13).

Православная Греко-Россійская Церковь есть въ настоящее время единственная носительница и выразительница Церкви вселенской. Нельзя соблазниться тѣми голосами, которые слышатся теперь въ нашей литературѣ,—подъ вліяніемъ, думаемъ, того же эмпиризма, знающаго вѣрующаго Ивана, сомнѣвающагося Петра, колеблющагося Андрея, но не знающаго Церкви. И въ православіи, и въ католичествѣ, и въ протестантствѣ—вездѣ, говорятъ, можно спастись; каждое изъ нихъ есть мостъ, ведущій къ одному и тому же берегу, но только въ православіи больше условій спасенія, а въ католичествѣ и протестантствѣ—меньше¹⁾; православіе есть прочный мостъ чрезъ рѣку, а католичество и протестантство—слабые мостики, но и чрезъ нихъ можно дойти къ берегу. И католики, и протестанты, и англикане образуютъ Церковь, но одни болѣе здоровую, другіе—менѣе здоровую; есть церковь истинная и церковь ложная; есть церковь заблуждающаяся, но все-таки церковь. Принадлежность къ Церкви не обусловливается исповѣданіемъ вселенскаго символа, или, какъ выражаются, „опредѣленнаго списка истинъ“, а требуется просто живая вѣра, т. е. вѣра, выражающаяся въ дѣятельной любви; непризнаніе какой-нибудь догматической истины не ведетъ еще за собою непринадлежности къ Церкви. Вѣдь нельзя же, разсуждаютъ, цѣлые милліарды людей исключать изъ состава вселенской Церкви. Фактъ несомнѣнный, что теперь существуетъ раздѣленіе церкви, и мы молимся о соединеніи церквей, т. е. признаемъ, предполагается, существованіе западныхъ церквей.

Всѣ эти разсужденія, полагаемъ, весьма неосновательны. Это своего рода уступка времени, стремленіе поддѣлаться

¹⁾ Такія сужденія о Церкви высказывалъ въ свое время *Кошелевъ* въ перепискѣ съ А. С. Хомяковымъ (см. *проф. В. З. Завитневичъ*, Александръ Степановичъ Хомяковъ, Кіевъ, 1902, т. I, кн. II, стр. 986. 987).

подъ разные вкусы; это какой то религиозный индифферентизмъ, или релятивизмъ, подобный такъ распространенному теперь философскому релятивизму. Нѣтъ, пикто, думаемъ, не обличить насъ въ излишней суровости, если скажемъ, что для того, чтобы быть въ Церкви, нужно и исповѣдывать то, чему учить, во что вѣруетъ Церковь; тутъ никакіе компромиссы не возможны: нельзя признавать одно и отвергать другое въ догматѣ церковномъ и при всемъ томъ быть членомъ Церкви, имѣя только живую вѣру. Церковь не подлежитъ дѣленію, не можетъ представлять изъ себя двоицу, и мы никогда не говоримъ о раздѣленіи *Церкви*, а, примѣняясь къ исторической терминологіи, ведемъ только рѣчь о раздѣленіи *церквей*. Нѣтъ у насъ и молитвы о соединеніи раздѣленныхъ церквей, т. е. какъ бы католичество, протестантство, англиканство составляли подлинныя церкви, ибо смыслъ извѣстнаго возглашаемаго прошенія: „о благостояніи святыхъ Божиихъ Церквей и соединенія (точнѣе: единенія) всѣхъ“ тотъ, чтобы всѣ православныя частныя церкви находились между собою постоянно въ мирѣ, любви и согласіи, или же, чтобы всѣ вѣрующіе, составляющіе ихъ, были едино между собою.

Нельзя переносить на Церковь то, что относится къ отдѣльнымъ ея членамъ. Есть христіане болѣе совершенные и менѣе совершенные, болѣе здоровые и менѣе здоровые, но нѣтъ Церкви здоровой и нездоровой, болѣе совершенной и менѣе совершенной. Сказать: „церковь заблуждающаяся“ — значитъ высказать явно противорѣчивое сужденіе, ибо Церковь, по словамъ Апостола, есть *столпъ и утвержденіе истины*. Можно заблуждаться въ Церкви, т. е. члены ея могутъ впадать въ заблужденіе, но Церкви заблуждающейся нѣтъ, какъ не существуетъ и Церкви грѣшной. Говорятъ, что хананянка, евангельскій сотникъ и разбойникъ оправданы, хотя не могли принести Христу поднаго исповѣданія догматовъ христіанскихъ. Какая неосновательность въ разсужденіи

яхъ!... Стоя на такой точки зрѣнія, нужно послѣдовательно вывести заключеніе, что членомъ Церкви Христовой можно содѣлаться и безъ крещенія, ибо ни хананеника, ни разбойникъ, ни евангельскій сотникъ крещенія не принимали.

Ссылаются на м. Филарета, который пишетъ: „никакую церковь, вѣрующую, что Иисусъ есть Христосъ, не дерзну я назвать ложною... Всякая церковь Христова можетъ быть либо чисто истинная, либо не чисто истинная; сія послѣдняя примѣливаетъ къ истинному и спасительному вѣры Христовой ученію—ложныя и вредныя мнѣнія человѣческія“. Но кто вчитался въ „Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи восточной Греко-Россійской Церкви“ тотъ не могъ не замѣтить, что м. Филаретъ часто употребляетъ слово „церковь“ въ несобственномъ смыслѣ,—въ данномъ случаѣ въ значеніи простаго общества христіанъ, которые могутъ вѣровать правильно и неправильно. Въ „Разговорахъ“ встрѣчаемъ выраженіе „церковь антихристова“ (стр. 28; пользуемся изд. 1833), какъ и въ Библіи есть слова: „церковь лукавнующихъ“, а въ церковно богослужебныхъ книгахъ: „языческая неплодящая церковь“¹⁾. Тамъ гдѣ м. Филаретъ выражается точно, онъ противопоставляетъ Греко-Россійской церкви другія христіанскія вѣроисповѣданія (см. предувѣдомленіе)²⁾. А между тѣмъ настоятельно нуженъ богословская точность въ настоящее время, когда построятся такое важное практическое заключеніе: церковь католическая есть церковь заблуждающаяся; старокатолики отказались ужъ отъ римскихъ заблужденій, и такъ какъ раньше они находились въ церкви, то, слѣдовательно, нужно теперь тольк

¹⁾ Ср. Дѣян. 19, 32: *ὅτι ἡ ἐκκλησία* (ἡ ἐκκλησία), т. е. собравшаяся толпа народа, смущена (*συνεχουμένῃ*).

²⁾ О взглядѣ митроп. Филарета на католичество см. гакже статью проф. В. А. Керенскаго: „Кто виноватъ. Къ старокатолическому вопросу“ (Христ. Чтеніе, 1903, кн. 12, стр. 714—718

признать ихъ фактическое бытіе въ Церкви вселенской. Мы споримъ не изъ-за словъ, а изъ-за существа дѣла.

Но что же, спрашиваютъ, будетъ съ цѣлыми миллиардами людей, стоящихъ внѣ Церкви? Мы не можемъ дать на этотъ вопросъ точнаго отвѣта, ибо для этого нѣтъ у насъ основаній. Предадимъ души этихъ людей „суду или паче милосердію Божию“ (м. Филаретъ, Разговоры, стр. 130). Если непринадлежность къ Церкви не есть сознательная, намѣренная, упорно ожесточенная, то подобные люди предъ нелицеприятнымъ судомъ милосердаго Бога могутъ быть помилованы. Многіе связаны съ Церковью узами, которыя намъ недовѣдомы. Мы твердо вѣруемъ, что Господь Иисусъ Христосъ врачуетъ духовныя болѣзни человечества. И если Церковь есть тѣло Христово, богочеловѣчскій организмъ, то, удаляя изъ себя все непригодное, омертвѣвшее, это тѣло недовѣдомыми намъ путями, которые Господь отъ насъ сокрытъ, привлекаетъ въ себя все, достойное жизни.

III.

Греко-Россійская Церковь сохранила древнюю христіанскую чистоту и истинность. Названный уже нами Американскій епископъ Графтонъ, посѣтившій недавно Россію, такъ говоритъ о нашей православной Церкви. „Одно могу сказать: русскій народъ по истинѣ православный народъ; на свѣтѣ нѣтъ другого народа, столь глубоко и искренно религіознаго, какъ онъ. У васъ вся жизнь проникнута религіозностью. О церкви вашей что сказать мнѣ? Она счастлива, что сумѣла сохранить вѣренное ей наслѣдіе Христово безъ всякихъ измѣненій; она ничего не прибавила къ нему и ничего не убавила отъ него. Она по всему праву должна называться среди другихъ церквей православною. Счастлива она и тѣмъ, что никогда не переживала времени схоластики. Стоя вдали отъ представителей схола-

стического вѣдѣнія, она не испытала на себѣ и печальныхъ плодовъ сего вѣдѣнія, отъ коихъ мы, къ прискорбію, до сихъ поръ не можемъ освободиться.. Храмы ваши и ваше богослуженіе—продолжаетъ епископъ Графтонъ—по истинѣ прекрасны; они говорятъ сердцу, возносятъ мысли горѣ. Войдя въ ваши чудные Московскіе соборы, даже иновѣрецъ невольно проникается молитвеннымъ настроеніемъ... Между Востокомъ и Римомъ даже сравненія быть не можетъ. Римъ, когда человѣкъ увѣруетъ въ него, не довольствуется одною этою вѣрою; онъ требуетъ подчиненія себѣ и успокаивается только тогда, когда вѣрующій въ него становится его рабомъ, рабомъ тупымъ и безгласнымъ. Вы смотрите на дѣло иначе,—да и не можете по другому взирать на человѣка, приближающагося къ вамъ. Такому человѣку вы открываете свои объятія и говорите ему: будемъ братьями, ты—моимъ, я—твоимъ. По ученію вашей церкви, вѣра сродняетъ людей и объединяетъ ихъ, какъ родныхъ братьевъ“¹⁾.

Такъ судить о нашей Церкви престарѣлый Графтонъ, мужъ, безъ сомнѣнія, великаго духовнаго опыта. Утѣшительный и ободряющій насъ голосъ! Но слышатся на Западѣ и у насъ иные голоса, враждебные нашей церкви. Этихъ обвиненій, взводимыхъ на нашу церковь, нельзя здѣсь не коснуться.

Говорятъ, что церковь находится у насъ въ полной зависимости отъ государства; она ему безусловно покорствуется, не имѣетъ никакой самостоятельности, никакой силы и власти. Это обвиненіе на нашу церковь возводилъ въ свое время западный ученый Лоранси и вотъ какой превосходный отвѣтъ на это обвиненіе даетъ нашъ славянофилъ А. С. Хомяковъ. „Когда, послѣ многихъ крушеній и бѣдствій, русскій народъ, общимъ совѣтомъ, избралъ Михаила

¹⁾ Церковныя Вѣдомости, 1903, № 44, стр. 1717. 1718.

Романова своимъ наследственнымъ государемъ (таково высокое происхожденіе императорской власти въ Россіи), народъ вручилъ своему избраннику всю власть, какою облечень былъ самъ, во всѣхъ ея видахъ. Въ силу избранія, Государь сталъ главою народа въ дѣлахъ церковныхъ, такъ же, какъ и въ дѣлахъ гражданскаго управленія... Народъ не передавалъ и не могъ передать своему Государю такихъ правъ, какихъ не имѣлъ самъ, а едвали кто-либо предположить, чтобы русскій народъ когда-нибудь почиталъ себя призваннымъ править Церковью. Онъ имѣлъ изначала, какъ и всѣ народы, образующіе православную Церковь, голосъ въ избраніи своихъ епископовъ, и этотъ свой голосъ онъ могъ передать своему представителю. Онъ имѣлъ право, или, точнѣе, обязанность блюсти, чтобы рѣшенія его пастырей и ихъ соборовъ приводились въ исполненіе; это право онъ могъ довѣрить своему избраннику и его преемникамъ. Онъ имѣлъ право отстаивать свою вѣру противъ всякаго непріязненнаго, или насильственнаго на нее нападенія; это право онъ также могъ передать своему Государю. Но народъ не имѣлъ никакой власти въ вопросахъ совѣсти, обще-церковнаго благочинія, догматическаго ученія, церковнаго управленія, а потому не могъ и передать такой власти своему Царю. Это вполне засвидѣтельствовано всѣми послѣдующими событіями. Низложенъ былъ патріархъ; но это совершилось не по волѣ Государя, а по суду восточныхъ патріарховъ и отеческихъ епископовъ. Позднѣе, на мѣсто патріаршества, учрежденъ былъ Синодъ; и эта перемѣна введена была не властью Государя, а тѣми же восточными епископами, которыми, съ согласія свѣтской власти, патріаршество было въ Россіи установлено¹⁾. Короче говоря, православная русская Церковь не знаетъ никакой видимой

¹⁾ Сочиненія, т. II, стран. 36.

главы Церкви,— ни духовной, ни свѣтской. Ея единый глава—Христосъ. Въ вопросахъ вѣры, въ вопросахъ церковной организаціи, церковной дисциплины, авторитетна только Церковь, государство же авторитетно въ дѣлахъ мірскихъ.

Церковь, говорятъ далѣе, живетъ только „загробнымъ идеаломъ“, и этимъ явно отклоняетъ отъ себя интеллигенцію, которую „проповѣдью одного только загробнаго идеала не возьмешь“. Интеллигенція работаетъ на благо народа; „учителя, врачи, земскіе дѣятели, писатели, женщины особаго типа—они обслуживали русскую землю (т. е. въ послѣдніе голодные годы) съ завиднымъ самоотверженіемъ, и при томъ не въ разбродъ, а въ высшемъ сознаніи своего единства, своего особаго нравственнаго облика“. А „представители Церкви... свои священныя упованія ограничиваютъ загробнымъ міромъ. Всѣ же слова пророковъ о торжествѣ истины Божіей и на землѣ принимаютъ въ такъ называемомъ переносномъ смыслѣ“. Церковь необходимо должна имѣть въ виду религіозно-соціальный идеалъ, и на этой именно почвѣ общественнаго дѣланія возможно единеніе представителей церкви и интеллигенціи; необходимо выйти церкви на общественное дѣло, „на широту земли“¹⁾.

Но нужно совершенно закрыть глаза, чтобы отвергать всякое участіе нашей церкви въ общественномъ дѣланіи. Церковь много дѣлаетъ и въ этомъ направленіи, по только ея трудъ не такъ замѣтенъ, не имѣетъ такой внѣшней, показной стороны. Мы уже теперь такъ настроены, что обслуживать физически голоднаго—это дѣйствительно доброе дѣло, это выходъ „на широту земли“, а удовлетворяте

¹⁾ В. А. Тернавцевъ, Русская Церковь предъ великою задачею, въ „Новомъ пути“, 1903, январь. Записки религиозно-философскихъ собраній въ С-Петербургѣ, стр. 5—22.

духовный голодъ челоѣка и при томъ истинною духовною пищею—это дѣло неважное, а, пожалуй, даже вредное, насколько оно касается „непознаваемыхъ глубинъ истины“. Церковь незримо дѣлаетъ свое дѣло, и она отерла столько слезъ, сколько не можетъ сдѣлать никакая интеллигенція, ибо она воздѣйствуетъ на душу челоѣка, его совѣсть. Церковь не игнорируетъ земного благополучія людей, насколько это необходимо въ нравственныхъ цѣляхъ, или же имъ не противорѣчить. Она имѣетъ въ виду водворить на землѣ правду и любовь Божию: въ семьѣ, въ обществѣ, въ государствѣ,—а это важнѣе всего; тутъ вся христіанская соціологія. А если желаютъ, чтобы наша Церковь вторгалась, подобно католицизму, въ политику, входила въ союзъ съ разными соціальными доктринами, то этимъ самымъ стараются навязать ей то, что безконечно ниже ея задачи—руководство людей къ вѣчной жизни. И неужели эта проповѣдь о „загробномъ идеалѣ“ приноситъ вредъ настоящей земной жизни, обезцѣниваетъ ее, отвлекаетъ насъ отъ культурнаго дѣланія? Но именно эта проповѣдь возвышаетъ жизнь надъ всѣмъ мелкимъ и суетнымъ, создаетъ истинную бодрость духа въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, заставляетъ безконечно высоко цѣнить личность челоѣка, его вѣчную, бессмертную душу. Не вина Церкви, если, какъ говоритъ тотъ же г. Тернавцевъ, наша бюрократія не имѣетъ релігіозныхъ упованій, ко благу управляемыхъ неоправимо равнодушна, если наше земство истолковываетъ волю народа „въ духѣ противоцерковнаго западно европейскаго общественнаго идеала“¹⁾. Церковь дѣлаетъ, что можетъ, для исправленія этого зла. Не Церковь должна идти на какой-нибудь компромисъ, а интеллигенція должна приблизиться къ Церкви, ибо она „до тѣхъ поръ не найдетъ доступа къ сердцу народа, пока

¹⁾ В. А. Тернавцевъ, стр. 5.

не увѣруетъ въ его Христа и не приобщится жизни Церкви“ 1).

Церковь—продолжаютъ противники церковности—стѣсняетъ свободу научнаго изслѣдованія, убиваетъ истинный научный духъ и этимъ прямо задерживаетъ научный прогрессъ; это и понятно: она по самой своей природѣ консервативна. Но никто не принуждаетъ вступить въ Церковь, какъ, съ другой стороны, Церковь и не удерживаетъ *внѣшнюю силу* въ своемъ лонѣ. Вѣра дѣло свободы: не желающаго вѣрить, кто можетъ заставить вѣрить (св. Іоаннъ Златоустъ). Но если кто вступилъ въ Церковь, онъ обязанъ ей духовно подчиняться, а иначе онъ не членъ ея. Церковь не можетъ отказаться отъ того вѣроученія, которое она установила на вселенскихъ соборахъ; она, какъ сказано раньше, не признаетъ ложью того, что прежде считала за истину, ибо она не обыкновенное человѣческое учрежденіе, а учрежденіе божественное, одушевляемое Духомъ Святымъ; откровеніе Божіе не можетъ самому себѣ противорѣчить, и Церковь не получаетъ новыхъ откровеній, не рождаетъ дотоле невѣдомыхъ ей истинъ, а она только раскрываетъ первоначальное, неизмѣнное свое содержаніе, данное ей Христомъ, примѣнительно къ нуждамъ и потребностямъ, въ разное время различнымъ, своихъ членовъ. Поэтому можно и должно изслѣдовать, сколько кому позволяютъ его силы и способности, но только пусть это изслѣдованіе не будетъ оторваннымъ отъ почвы единаго вселенскаго церковнаго преданія. А если наше изслѣдованіе въ богословской области расходится съ вселенскимъ церковнымъ ученіемъ, нужно усумниться въ справедливости нашихъ выводовъ, ибо Церковь правѣ насъ, ея разумъ безконечно превосходитъ нашу ограниченность. Мы ищемъ и имѣемъ право искать, но Церковь,

1) Ibid., стр. 12.

какъ благодатное учрежденіе, владѣть уже тѣмъ, чего мы ищемъ, а потому нужно быть покорнымъ ея вселенской истинѣ. Изслѣдованіе въ области вѣры, это не какой-либо научный экспериментъ, а тутъ участвуютъ всѣ силы нашего духа, стремящагося познать живую истину. Если правильно вникнуть въ дѣло, то Церковь не есть для насъ нѣчто внѣшнее, простой авторитетъ, стѣсняющій насъ, а мы плоть отъ плоти ея и кость отъ костей ея; въ ней наша истинная жизнь, наша истинная автономія.

Что Церковь не стѣсняетъ свободы изслѣдованія въ чисто научной области, это считаемъ излишнимъ и доказывать. Она благословляетъ всякое такое изслѣдованіе, но только бы оно не плодило невѣрія. Церковь, понятно, не можетъ позволить сѣять среди своихъ членовъ всякія зловредныя ученія, отрицающія личнаго Бога, безсмертіе души, откровеніе и т. п.

Церковь всегда дѣйствуетъ только словомъ; область ея вліянія—исключительно душа человѣка. Если она отлучаетъ кого-либо изъ своихъ нѣдръ, то насилія при этомъ никакого не употребляетъ, а, въ виду блага другихъ своихъ членовъ, указываетъ только то, что уже собственно давно совершилось въ дуплѣ отпадшаго, т. е. его полный разрывъ съ церковнымъ единствомъ. Теперь желаютъ достиженія какой то абсолютной свободы, но, вѣдь, такая свобода по самому существу невозможна и разрѣшается въ абсолютный произволь. Если Церковь есть благодатное учрежденіе, то она воспитываетъ человѣка, а воспитаніе немыслимо безъ извѣстныхъ воспитательныхъ средствъ, безъ определенной дисциплины, которой необходимо подчиняться. Неужели это насиліе? Но тогда уже никакое воспитаніе немыслимо, и нужно всецѣло предоставить человѣка вліянію его натуральныхъ, беспорядочныхъ инстинктовъ.

Церковь, утверждаютъ, наконецъ, противники, погрузилась въ обрядъ, или обрядовую сторону; истинная духовная

жизнь въ ней замираетъ; она покровительствуетъ въ религіи всему внѣшнему, извлекая изъ этого для себя явную пользу. Но мы уже знаемъ, что говоритъ епископъ Графтонъ о нашемъ народѣ и о нашемъ богослуженіи. „Русскій народъ по истинѣ православный народъ; на свѣтѣ нѣтъ другого народа, столь глубоко и искренно религіознаго, какъ онъ... Храмы ваши и ваше богослуженіе по истинѣ прекрасны; они говорятъ сердцу и возносятъ мысль горѣ... Ваша Троицкая лавра безподобна и ни съ чѣмъ несравнима. Я былъ въ ней въ день преподобнаго Сергія и видѣлъ въ ней вашихъ паломниковъ. На нихъ, пришедшихъ со всѣхъ концовъ Россіи, нельзя взирать безъ удивленія сердечнаго“. Не презрите же единого отъ малыхъ сихъ!... Не осуждайте брата своего!... Всякій обрядъ есть выраженіе духовнаго стремленія къ Богу. Знаемъ, что обряды не неизмѣнны, а съ теченіемъ времени измѣняются и одухотворяются. Въ Церкви есть младенцы въ вѣрѣ, которыхъ нужно воспитывать, къ религіозному состоянію которыхъ необходимо примѣниться, но лжи въ обрядѣ нѣтъ и да не будетъ. Мы высокоумствующие осуждаемъ брата своего за его привязанность къ обрядовой сторонѣ, но, осуждая брата своего, за котораго Христосъ умеръ (1 Коринѣ. 8, 11), ятимъ самымъ осуждаемъ самихъ себя. Мы говоримъ: „это ведетъ къ идолопоклонству“; но „Духъ Христовъ, хранящій Церковь, премудрѣе (нашей) расчетливой мудрости“¹⁾.

IV.

Для яснаго пониманія ученія о Церкви нужно строго различать объективную и субъективную стороны Церкви. Объективную сторону ея составляетъ Церковь, какъ божественное учрежденіе или благодатный институтъ. Это не ми-

¹⁾ А. С. Хомяковъ, Сочиненія, т. II, стр. 24.

стическая Церковь, каковою ее теперь считают, а Церковь реальная, сила дѣйствующая въ мірѣ и его возрождающая. Это—„Духъ Божій и благодать тайнствъ“; это божественная организація жизни. Субъективную же сторону Церкви (такъ называемую историческую церковь) составляютъ люди, члены Церкви. Отсюда понятно, что мы немощны, а Церковь—славна; мы грѣховны, а Церковь—свята и безпорочна; мы заблуждаемся, а Церковь—непогрѣшима; мы дурно дѣлаемъ свое дѣло, но истинность Церкви,—ея жизни, ея богоустановленнаго строя, отъ этого нисколько не теряется. Ученое учрежденіе, выражаясь конкретно, не перестаетъ быть по существу ученымъ учрежденіемъ потому, что въ немъ замѣчается временный недостатокъ или отливъ ученыхъ силъ.

Субъективная, человѣческая сторона въ Церкви обуславливаетъ бытіе въ ней національнаго элемента, выражающагося, напр., въ особенномъ церковномъ устройствѣ, въ особенныхъ обрядахъ, чицахъ и молитвословіяхъ. Объективная же сторона Церкви производитъ то, что Церковь по существу нераздѣляема и нераздробляема, а безусловно едина,—какъ едина сущность во всѣхъ ея явленіяхъ,—какъ единъ лучъ свѣта во всѣхъ его отраженіяхъ и безконечныхъ переливахъ. Вселенскость Церкви не обуславливается географіею, или топографіею, а потому и теперь вселенскій соборъ, думаемъ, возможенъ: его составляютъ всѣ частныя православныя церкви.

Человѣческая сторона въ Церкви, т. е. члены Церкви, измѣняема. Каждое время имѣетъ свои духовныя нужды, свои духовныя запросы и задачи, которымъ Церковь должна удовлетворять. Вотъ почему въ настоящее время, когда жизнь такъ усложнилась, настоятельно необходимо высоко образованное церковное служеніе. Объективная же сторона Церкви показываетъ, что это удовлетвореніе современныхъ духовныхъ нуждъ и запросовъ должно быть совершаемо не

путемъ какихъ - нибудь компромисовъ, а на основѣ того я одинаго, неизмѣннаго Апостольскаго ученія.

Церковь всегда должна слѣдовать словамъ Апостоловъ „судите, справедливо ли предъ Богомъ слушать васъ (т. ч. чловѣковъ) болѣе, нежели Бога“ (Дѣян. 4, 19). Церковь не можетъ принять въ юридическихъ узаконеніяхъ того, что противорѣчитъ ея духу и ученію. Юридическій и нравственный порядокъ никогда собственно не сольются во-едино, потому, что иногда является излишнимъ для Церкви, то требуется по инымъ, чисто юридическимъ, внѣшнимъ основаніямъ. Это неизбѣжно. Не будетъ, однако, клерикализмомъ сказать, что истинныя церковныя отношенія любви, свободы въ единствѣ, должны проникнуть и одухотворить собою все

Если чловѣкъ не можетъ жить безъ общества вообще внѣ общества не въ силахъ достигнуть истинной культуры своего духа, то тѣмъ болѣе онъ не можетъ жить внѣ общества церковнаго; тогда онъ положительно замираетъ. Въ нашемъ сердцѣ можетъ быть миръ и радость о Дусѣ Святѣ но Церкви въ нашемъ сердцѣ нѣтъ, а она есть богоустановленное благодатное учрежденіе, къ которому, какъ видно изъ всего раньше сказаннаго, мы должны необходимо принадлежать, чтобы имѣть эту истинную радость о Духѣ Святомъ.

Евангелистъ Іоаннъ повѣствуетъ, что, послѣ бесѣды Христа Спасителя въ Капернаумской синагогѣ о хлѣбѣ жизни, многіе изъ учениковъ Его, соблазнившись этою бесѣдою, „отошли отъ Него и уже не ходили съ Нимъ“ (6, 66). Тогда Іисусъ Христосъ обращается къ 12 избраннымъ ученикамъ и говоритъ: „не хотите ли и вы отойти“ (ст. 67). На это Симонъ Петръ отъ лица всѣхъ Апостоловъ отвѣ-

часть: „Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни“ (ст. 68). Къ кому намъ идти?... Кто дастъ намъ возрожденіе и освященіе? Кто соединитъ насъ во-едино? Кто подкрѣпитъ нашъ унавившій духъ? Кто увидитъ наши слезы, кто услышитъ наши тайныя воздыханія?... Идемъ же и мы ко Христу, а Христосъ Спаситель, нашъ Примиритель и Искупитель, въ основанной Имъ Церкви, которая имѣетъ глаголы жизни вѣчной, есть *столъ и утвержденіе истины*.

Д. Богданевскій.